

RU

Вербальные и невербальные средства трансляции альтернативного сознания творца в повести В. В. Ноллетова «Палата № 8»

Ройко О. В.

Аннотация. Цель исследования - построить соответствующую нарративной стратегии автора повести «Палата № 8» В. В. Ноллетова систему концептуальных координат с началом «творец» в двойном контексте; обозначить вербальные и невербальные средства трансляции альтернативного сознания творца на примере конкретного художественного образа. Научная новизна работы заключается в интегративном подходе к проблеме самовыражения личности, нестандартизованной экспликации понятия «альтернативное сознание», акцентной интерпретации информативного локального текста, актуализировавшего классический конфликт писателя и социума. В результате доказана закономерность релятивного коррелята «тип интеллекта - тип сознания - средства трансляции», составлена многокомпонентная парадигма вербальных и невербальных способов выражения творческой неунифицированной индивидуальности.

EN

Verbal and Non-Verbal Means of Communicating the Creator's Alternative Consciousness in V. V. Nolleto's Novella "Ward No. 8"

Royko O. V.

Abstract. The study aims to construct a system of conceptual coordinates with the "creator" origin in a double context that corresponds to the narrative strategy employed by V. V. Nolleto, the author of the novella "Ward No. 8"; to outline verbal and non-verbal means of communicating the creator's alternative consciousness, using the example of a specific literary image. Scientific novelty of the paper lies in an integrative approach to the issue of personal self-expression, an unstandardised explication of the notion of "alternative consciousness", an accentuated interpretation of an informative local text that actualised the traditional conflict between the writer and society. As a result, the researcher has proved the consistency of the "intelligence type - consciousness type - communication means" relational correlate, has compiled a multicomponent paradigm of verbal and non-verbal ways of expressing creative non-unified individuality.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена важными факторами: 1) первичностью постановки вопроса в связи с интерпретацией конструктивного элемента современного литературного процесса – повести В. В. Ноллетова «Палата № 8»; 2) востребованностью интегративного подхода к истолкованию художественного образа; 3) целесообразностью расширения границ трактовки конфликта писателя и социума.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, вывести дефиницию «альтернативное сознание творца», мотивировав ее контекстуальную проекцию; во-вторых, обосновать закономерность коррелята *тип интеллекта – тип сознания – средства трансляции*; в-третьих, классифицировать вербальные и невербальные средства выражения творческой неунифицированной индивидуальности. В статье применяются следующие методы исследования: типологический, психологический, контекстно-герменевтический анализ; системный подход обеспечивает структурированное аналитическое описание проблемы.

Теоретической базой исследования послужили научные работы, рассматривающие сознание как многоплановый феномен (Бескова, 2007; Бергсон, 1999; Иванов, 2007; Ревонсуо, 2013), касающиеся необычных

(Гордеев, 2014) и измененных состояний сознания личности (Людвиг, 2003), триархическая концепция интеллекта Роберта Дж. Штернберга (Стернберга) (1978), теория множественного интеллекта Говарда Гарднера (2007), различные систематизации вербального и невербального поведения как способа и формы самовыражения личности (Андреева, 2007; Введенская, Павлова, 1998; Крейдлин, 2002; Лабунская, 1986).

Практическая значимость работы заключается в том, что потенциал произведения дает возможность актуализации важных когерентных аспектов. Архетипическая природа образа творца и намеченное в связи с этим в перспективах исследования направление компаративного анализа могут вызвать интерес непосредственно литературоведов, опосредованно – психологов и философов, так как вопрос является точкой бифуркации различных областей знания и нехрестоматийным примером, иллюстрирующим феномен сознания творческой личности.

Основная часть

Повесть В. В. Ноллетова «Палата № 8» – конструктивный малоизученный элемент парадигмы «палат» современной литературы («Палата № 5» П. В. Гушинца, «Палата № 7» В. Я. Тарсиса, «Палата номер 11» А. И. Суханова и др.), содержательный пример художественной рефлексии. В произведении акцентирован двойной контекст, который позволяет выстроить систему концептуальных координат с началом «творец», обозначить вербальные и невербальные средства трансляции альтернативного сознания творческой личности на примере центрального героя – писателя Дмитрия Стасова.

Во избежание подмены терминов и вследствие этого искажения концептуальной идеи работы необходимо вывести ключевую дефиницию – «альтернативное сознание творца», эксплицировав ее в соответствии с проблематикой исследования. Контекстуальной доминантой является самовыражение, мышление неординарной личности, ее гносеологические возможности, интенциональность в связи с определенным типом интеллекта. Закономерным будет обращение к триархической концепции интеллекта Роберта Дж. Штернберга (Стернберга) (1978), вычленившего три ипостаси качества психики (аналитическую, практическую и творческую), и модели множественного интеллекта (1983 г.) Говарда (Ховарда) Гарднера (2007), который рассмотрел мыслительный процесс в различных конкретных условиях, выделив относительно независимые способности человека (лингвистический, музыкальный, логико-математический, пространственный и др. разновидности интеллекта). Синтезируем ключевые пункты двух теорий в контаминацию *творческий и лингвистический интеллект* – идентификационную эмблему писателя. Ее основными характеристиками будем считать интуицию, эрудицию, способность творческой личности генерировать новые идеи, активно использовать словесные средства трансляции. Многоаспектность проблемы позволяет обозначить усиливающие словесное воздействие невербальные способы передачи эмоционально-ценностного отношения творца к миру. Опираясь на различные классификации невербальных средств общения (Г. М. Андреевой (2007), В. А. Лабунской (1986), Г. Е. Крейдлина (2002) и др.), выделим наиболее важные для исследования: кинесические, просодические, проксемические, экстралингвистические, такесические.

Важно отметить, что под *альтернативным* в статье понимается не качественно измененное под воздействием каких-либо внешних факторов сознание личности, не намеренное искажение представления внешней реальности, по А. Ревонсуо (2013), и ИСС (измененные состояния сознания), по А. М. Людвигу (2003), а *антитезное (по отношению к обыденному) нестандартное сознание индивидуума, носителя творческого и лингвистического интеллекта, с характерными для него вербальными и невербальными средствами трансляции*.

Нарративная стратегия В. В. Ноллетова (2017) позволяет обозначить центральный образ как «начало координат», построить систему концептуальных координат в рамках проблематики произведения. Линия Стасова архетипична: классический конфликт писателя и социума, драматическое самоопределение носителя творческого и лингвистического интеллекта: «Когда я творю, я переносюсь в другой мир. Я вживаюсь в образы своих героев. Я возбужден в такое время: без возбуждения творчество невозможно. Точно так ходили, сочиняя, Пушкин, Достоевский... Это естественно для творческих людей...» (с. 17). Герой, написавший антисоветскую статью, признанный невменяемым, попал в психиатрическую больницу для заключенных с официальным диагнозом «вялотекущая шизофрения». Эмоционально-ценностное отношение к себе Стасов формирует через отрицание детерминированного обществом императива «гений (талант) – болезнь»: «А если человек просто ведет себя не так, как все, думает не так, как все, это не значит, что он болен» (с. 29). Реминисцентная природа темы ведет к роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (судьба Мастера), повести В. Я. Тарсиса «Палата № 7» (концептуальная идея, образы заведующих отделением и др.). Четыре сообщения-характеристики, предвещающие появление персонажа, составляют нелестное впечатление о Стасове. Первое адресное упоминание встречаем в экспозиции: «Он появился за две недели до убийства» (с. 5); далее следует высказывание пациента Лялича: «Вечером новый прибыл, Елена Потаповна, – сообщил он. – Приду-рок точно!» (с. 7); третье мнение медсестры Ксюши содержит существенные детали: «Вчера одного новенького привезли. В восьмую положили... Странный он какой-то»; «А глаза! Горят, как у маньяка... Называет себя творческой личностью...» (с. 8). Четвертое «авторитетное» заявление заведующего отделением Клыкканова воспринимается как официальная информация: «Вечером новый пациент поступил, Стасов. Не нравится мне его состояние. Обратите на него внимание» (с. 9). Психологический портрет Стасова включает устойчивые

паттерны творца: «Он сидел, ссутулившись, на койке рядом с дверью и что-то быстро записывал в общую тетрадь. Был он молод. Среднего роста. Лицо худое, нервное, с тонкими, но неправильными чертами» (с. 9). Ключевой пункт психофизики образа – напряженность: «Напряженность ощущалась во всем его облике». Самовыражение героя связано с протестом: бунт против репрессивных инъекций, отказ принимать психотропный препарат, ухудшающий память: «А я пишу роман. Там сотни действующих лиц. Я все это должен помнить» (с. 14). Каждая фраза – максима, манифест альтернативного мироощущения как концепции творческой личности: «Я психически совершенно здоров!» (с. 9). Синхронизированная микросоциумом информация о герое сводится к следующему: «странный», «маньяк», «диссидент», «чокнутый», инакомыслящий, творческая личность, больной. Даже среди «своих» Стасов чужой, его мировоззрение не разделяют (за редким исключением) и отвергают. Акцентным в сообщении творческого и лингвистического интеллекта писателя является комплекс вербальных средств, так как у создателя словесных моделей высоко развита способность использовать речь в устной (произносит пространственные речи о справедливости, природе гениальности) и письменной (пишет роман о Филиппе Эгалите) форме. Эксплицитная информация дает объемное представление об устной ипостаси вербального проявления творца (он прекрасный оратор), сведения о письменном варианте содержатся преимущественно в упоминаниях о стенографических записях в тетрадях, ожидающих трансформации в роман. В словесном комплексе Стасова реализуются избирательные функции языка: преобладают конструктивная и эмоциональная, реже – коммуникативная. Например, эмоциональной экспрессией отличаются построенные по лучшим образцам риторического красноречия приводимые им примеры гениальности: «Представьте себе картину: ночь, дождь, ветер. По полю идет, не разбирая дороги, человек. Ветер развеивает гриву его волос. Он размахивает руками, шевелит губами. Похож он на нормального человека? Местные крестьяне, бывшие нередко свидетелями такой картины, считали, естественно, его сумасшедшим. А это был гений! Так бродил по ночам, сочиняя музыку, Бетховен» (с. 30). В речи творца доминируют монологические высказывания, демонстрирующие его эрудицию. Он цитирует Л. Н. Толстого: «Бальзак – гений, то есть то самое, что нельзя назвать иначе...» (с. 36), экзистенциалиста Карла Ясперса, хорошо знает историю, аналитический дар видит в Эйнштейне, охватившем «области логики, математики и пространственных отношений», говорит о синтетическом интеллекте Моцарта, который «сочетал музыкальный гений с врожденным пониманием математики и закономерностей» и др. Речь героя, несмотря на ее спонтанность, осознанна (до момента его фактического помешательства), содержит интенцию как коммуникативное намерение, ее отличают логичность, аллегоричность, рационально облекаемый в словесный комплекс отклик мысли на любую предлагаемую тему (экономическая свобода, творчество) – результатом становятся структурированные микротексты философской тематики. Так, альтернативную интерпретацию феномена гениальности обнаруживает один из диалогов Стасова с Обутовым: «...гении – это те, кого “нельзя назвать иначе”»; «они совершают перевороты в науке, говорят новое слово в искусстве». Обутов, как и другие, считает гениальность болезнью, «каким-то изъяном в мозгу», «необычным взглядом на все, не таким, как у остальных людей» (с. 35). Принципиальная точка зрения творца Стасова обозначена антитезой «полная объективность и крайняя субъективность»; «в своем поведении гении часто похожи на дураков. Это потому, что и те, и другие отклоняются от нормы. Только гении отклоняются вверх от нормальных людей, а дураки – вниз» (с. 36). Активно используя семантическую противоположность языковых единиц, герой приходит к закономерному выводу: гении «болезненно впечатлительны», а обычные люди «болезненно невпечатлительны», гений – «иная субстанция», более глубокое и полное, а значит, более верное восприятие действительности. Принцип дифференциации лежит в основе его трактовки масштаба творческих способностей: «Тургенева отделяет от двух других неуловимая, но непреодолимая черта. Он – просто великий талант, а они – гении» (с. 36). Словесные средства способствуют формированию двойного контекста: первого (локального) – системы концептуальных координат с началом – конкретным художественным образом творца – и второго (глобального) – культурно-исторического (истолкование Стасовым дара персоналий мирового масштаба) с акцентуацией «гениальность».

Наряду с вербальными средствами трансляции альтернативного сознания творца в контексте повести существует многокомпонентная парадигма невербальных способов и форм самовыражения личности. Как справедливо считает Г. М. Андреева (2007), «по сравнению с речью интерпретировать различные невербальные проявления весьма сложно» (с. 9), но трактовка несловесного потенциала создает целостное представление об альтернативном (с точки зрения враждебного социума) и гармоничном (с точки зрения здравого смысла) сознании героя. Среди наиболее значимых компонентов парадигмы выделяются *кинестические средства*. Стиль передвижения, походка Дмитрия Стасова отмечены динамичностью, стремительностью его творческой натуры: «...носится по коридору взад-вперед»; «шагал взад и вперед возле самой сетки»; «по коридору метался Стасов»; «иногда он размахивал руками». Писатель, находящийся в замкнутом пространстве больницы, суживает его до минимума, передвигается по особой траектории, строго рассчитывая расстояние, регламентируя собственное пространство: «Пять шагов туда, пять – обратно. Ни больше, ни меньше»; «делал лишь пять шагов и, словно упершись в невидимую стену, круто разворачивался и шел обратно» (Ноллетов, 2017, с. 15) – движение по индивидуальному маршруту как антитеза созерцательной позиции статичной толпы. Взгляд героя мотивирован его внутренним состоянием, контрастность которого очевидна: с одной стороны, «глаза его горели»; «сверкали», с другой – «сосредоточенно смотрел в пустую миску перед собой»; «смотрел... смятенным взглядом». Поза творца свидетельствует о его непосредственной реакции на происходящее: «...сидел, ссутулившись, на койке»; «заложив руки за спину, лежал молча, отвернув лицо к стене».

Финальные позы «сидел на кровати, завалившись на бок», «обычно в безвольной позе» подчеркивают обреченность, безысходность. Несмотря на немногочисленность, жесты (в основном эмоциональные) и мимика информативны. До принудительного сумасшествия герой демонстрирует активную позицию, сопротивляясь социокультурным ограничениям: «...энергично жестикулируя»; «кулаки его сжались»; «горделиво вскинул голову», после процедуры унификации он иной: «...испуганно вздрагивал, выставлял руки для защиты». В финале повествования кардинальные изменения отражаются на «худом, нервном» лице («канале невербальной коммуникации» – термин В. П. Трусова) Стасова: «...появлялось плаксивое выражение»; «нижняя челюсть отвисла». Следует отметить особую роль темпоритма как показательного кинесического средства трансляции нестандартизованного сознания творца и соответствующих ему реакций: «...быстро записывал»; «внезапно вскочил»; «все делал быстро»; «встременулся»; «вскочил, засуетился»; «стремительно шагал»; «замедлил шаг, потом и вовсе остановился»; «внезапно ворвался». Для творческой личности характерны подобные антитетические состояния: «...то очень нервный, возбужденный... то задумчивый, неподвижный»; «иногда впадал в состояние глубокой задумчивости, отрешенности». О многом говорит также полярность *просодических (фонационных)* средств, их ситуативная значимость: «...заговорил стремительно и горячо», «громко и убежденно»; «взволнованно и торопливо»; «почти закричал»; «медленно, четко, надменно крикнул» – «иногда что-то шептал»; «тихим жалобным голосом»; «из его бессвязной речи можно было лишь понять, что у него отобрали его роман» (с. 57). Быстрый темп речи, скорость мысли могут быть классифицированы не только как индивидуальная особенность личности, но и как характерная черта «синузии» творцов. Среди известных *экстралингвистических* средств (вздохи, кашель, смех, плач) зафиксирована пауза как единственная номинация данной категории: «Два сына Филиппа Эгалите... умерли молодыми... от туберкулеза...» (с. 49). *Такесические* средства (рукопожатия, динамические прикосновения и др.) не входят в показательный «арсенал» творческого интеллекта и альтернативного сознания персонажа. Единичные случаи незакономерны: «...в глубокой задумчивости потянулся за солью и задел руку сидевшего рядом молдаванина» (с. 28). Исключительным является агрессивное поведение Дмитрия, требующего вернуть отобранную у него рукопись романа: «...за грудки схватил, требовал какие-то тетрадки». *Проксемика* имплицитно транслирует концептуальную идею повести; речь идет о конфликте писателя и социума. Многие эпизоды указывают на оптимальную дистанцию Стасова с пациентами и персоналом психиатрической больницы в зависимости от степени взаимной расположенности коммуникантов. Замкнутое пространство, объединившее заключенных с диагнозом, назначенным микро- или макросоциумом, имеет определенные границы, являет феномен толпы. Центральный герой редко находится в толпе, он допускает присутствие в непосредственной близости только тех, кому доверяет, или в переломные моменты, когда игнорировать произошедшее невозможно и зона межличностного общения сужается: «Ближе всего к койке стоял Стасов и потрясенно, не отрываясь, смотрел на тело» (с. 48).

Итак, следует констатировать очевидность релятивного коррелята *тип интеллекта – тип сознания – средства трансляции* (творческий и лингвистический интеллект – альтернативное сознание творца – вербальные и значимые невербальные средства его трансляции). На эксплицитном уровне целенаправленно акцентирована устная речь центрального героя как ключевая форма самовыражения личности, что, несомненно, коррелирует с типом его интеллекта, сознания и гносеологическими способностями. Дополняют психологический портрет Стасова, расширяя представление о неунифицированном мировоззрении, невербальные средства: кинесические (стиль передвижения, походка, взгляд, поза, жесты, темпоритм); проксемические – конфликт писателя и социума оформлен в пространственной знаковой системе. Периферийными названы такесические и экстралингвистические средства, так как они не являются доминантой личностных проявлений конкретного персонажа.

Заключение

В заключение обозначим результаты исследования: 1) построена соответствующая нарративной стратегии автора система концептуальных координат повести В. В. Ноллетова «Палата № 8» с началом «творец»; 2) выявлен двойной контекст вопроса: писатель Дмитрий Стасов, являясь носителем ярко выраженного творческого начала, предлагает модифицированный взгляд на феномен гениальности, иерархию ступеней таланта в историко-культурном ракурсе; 3) классифицированы вербальные и невербальные средства трансляции альтернативного сознания творца на примере конкретного художественного образа архетипической природы. Открытием стала высокая информативность несловесных способов выражения творческой индивидуальности при достаточной содержательности вербальной ипостаси, в связи с этим подтверждена неканоничность формы реализации конфликта творца и социума. Доказаны закономерность коррелята *тип интеллекта – тип сознания – средства его трансляции*, возможность разноплановой экспликации понятия «альтернативное сознание», логичность интегративного подхода к истолкованию художественного образа и комплексной проблеме интерпретации форм личностного самовыражения.

Перспективы дальнейшего исследования предполагают расширение контекстуальных границ изучаемого вопроса, реминисцентная природа художественного образа позволяет обратиться к компаративному анализу триады произведений: романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», повестей В. Я. Тарсиса «Палата № 7», В. В. Ноллетова «Палата № 8» – для определения вектора архетипической линии творца и подтверждения объемной репрезентации обозначенного релятивного коррелята в художественных текстах, маркированных различными временными метками.

Источники | References

1. Андреева Г. М. Социальная психология: уч. для высш. учеб. заведений. Изд-е 5-е, испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007.
2. Бергсон А. Непосредственные данные сознания // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест, 1999.
3. Бескова И. А. Сознание как многоплановый феномен // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2007. № 3.
4. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Культура и искусство речи. Современная риторика. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
5. Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта. М.: Вильямс, 2007.
6. Гордеев П. А. Необычные состояния сознания: философский анализ: дисс. ... к. филос. н. Саратов, 2014. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2014/10/17/dissertaciya_gordeev.pdf
7. Иванов Е. М. Онтология субъективного. Саратов: Наука, 2007.
8. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
9. Лабунская В. А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1986.
10. Людвиг А. М. Измененные состояния сознания // Тарт Ч. Измененные состояния сознания. М.: Эксмо, 2003.
11. Ноллетов В. В. Палата № 8 / создано в интеллектуальной издательской системе Ridero. 2017.
12. Ревонсуо А. Психология сознания / пер. А. Стативки, З. С. Замчук. СПб.: Питер, 2013.
13. Штернберг Р. Дж. Теория успешного интеллекта // Обзор общей психологии. 1978. Вып. 3. № 4.

Информация об авторах | Author information**Ройко Оксана Валентиновна¹**¹ Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в Севастополе**Royko Oksana Valentinovna¹**¹ Branch of M. V. Lomonosov Moscow State University in Sevastopol¹ royko_oksana@bk.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 15.01.2022; опубликовано (published): 28.02.2022.

Ключевые слова (keywords): система концептуальных координат; двойной контекст; вербальные и невербальные средства трансляции альтернативного сознания творца; творческий и лингвистический интеллект; конфликт писателя и социума; system of conceptual coordinates; double context; verbal and non-verbal means of communicating the creator's alternative consciousness; creative and linguistic intelligence; conflict between the writer and society.